

2 У ИСТОКОВ СИБИРЯКОВСКОЙ (ЯКУТСКОЙ) ЭКСПЕДИЦИИ

Алексей Б. Панченко

Сибиряковская экспедиция в Якутию, получившая название в честь ее спонсора иркутского промышленника и мецената Иннокентия Михайловича Сибирякова, стала одной из ярчайших страниц истории российской этнографии. В течение двух лет – с 1894 по 1896 гг. ее участниками было проведено комплексное исследование, существенно изменившее представления власти и общества о регионе. Эта экспедиция открыла двери в науку целой плеяде выдающихся исследователей, многие из которых продолжили свою деятельность уже в рамках советской этнографии, став у ее истоков. Значимость Сибиряковской экспедиции была осознана уже современниками, а в дальнейшем ей так или иначе было посвящено немало специальных работ¹.

Несмотря на давнюю традицию исследований Якутской области, истоки которой лежат еще в первой половине XVII в., к концу XIX в. она все еще представляла собой один из наименее изученных регионов Российской империи. Согласно брошюре «Якутский край и его исследователи», опубликованной в 1913 г., за период с 1628 по 1894 гг. прошло 76 различных экспедиций, путешествий и прочих мероприятий, которые охватили практически всю ее территорию². За это время был пройден путь от путешествий землепроходцев к полноценным академическим экспедициям, а далее – к исследованиям, проводимым по инициативе местных промышленников и ссыльнопоселенцев. Изначально основной целью

¹ Астахова И.С. Археологические исследования Якутской (Сибиряковской) экспедиции 1894–1896 годов // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2008. С. 30–39; Астахова И.С. Якутская (Сибиряковская) экспедиция 1894–1896 гг. // Якутск. URL: <https://www.yakutskhistory.net/наука/якутская-научная-сибиряковская-экспедиция> (дата обращения 14.07.2019); Горохов К.И. Историко-этнографическое исследование якутов Якутской (Сибиряковской) экспедицией ВСОРГО в 1894–1896 годах: Автореферат дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Иркутск, 1962; Горохов К.И. Исследователи и материалы участников Якутской (Сибиряковской) экспедиции ВСОРГО в 1894–1896 гг. в области этнографии якутов // История Якутии XVIII–XIX вв. Якутск, 1965. С. 52–75; Дэвлет М.А. У истоков Сибиряковской экспедиции в Якутию // Сборник научных трудов. Серия: Филология. Якутск, 1994. С. 71–79; Левченко А.О. Сибиряковская экспедиция ВСОИРГО (1894–1896 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. Иркутск, 2010. С. 191–194; Строева З.Г. Сибиряковская экспедиция 1894–1896 гг. // <http://yakutmuseum.ru/stati/sibiryakovskaya-ekspeditsiya-1894-1896-gg> (дата обращения 14.07.2019).

² Николаев В.Н. Якутский край и его исследователи. Вып. I. Краткий исторический очерк экспедиций в Якутскую область. 1632–1913 гг. Якутск, 1913. С. 2–35.

их являлось географическое описание региона, определение его границ и транспортных возможностей, затем настало время геологических, ботанических и зоологических исследований. Поднимались и вопросы этнографии, антропологии и лингвистики, как в рамках отчетов по результатам экспедиций (в первую очередь Второй Камчатской), так и в виде отдельных сочинений (работы Г.Ф. Миллера, Г. Гмелина, И. Георги и др.). Эти материалы содержали информацию как о собственно народах Якутии, так и сопредельных территорий – в частности Чукотки и Алеутских островов³. При этом достаточно часто Якутия воспринималась как промежуточная точка для экспедиций, поскольку в хозяйственном и экономическом аспектах она виделась малопривлекательной. Кроме того, значительная часть материалов оказывалась недоступной для жителей региона, поскольку издавались они, как правило, на немецком языке и ограниченным тиражом, не доходя до самой Якутии. Ситуация начала меняться с середины XIX в., когда, с одной стороны, регион становится местом ссылки (привлекательный именно своей труднодоступностью), а с другой – начинается его промышленное освоение, в первую очередь, со стороны золотодобытчиков. Значительный вклад в изучение региона внесли три человека совершенно различной судьбы, каждый из которых посвятил исследованиям около десяти лет: И.А. Худяков (ссыльный народник, работавший в 1867–1875 гг.), В.Л. Серошевский (также ссыльный, но участник польского освободительного движения в 1880–1891 гг.) и В.Л. Приклонский (назначенный вице-губернатором Якутии и трудившийся в 1882–1892 гг.). Именно их усилиями был заложен фундамент для дальнейших исследований, собран значительный статистический и этнографический материал, а также подготовлены материалы для библиографии Якутской области, хотя при этом территориальные рамки их исследований были сильно ограничены, особенно это относилось к ссыльнопоселенцам. Однако для широкой публики (включая и многих промышленников, чьи интересы лежали непосредственно в Якутии) область продолжала оставаться во многом *Terra Incognita*, что затрудняло ее дальнейшее освоение.

Ко второй половине XIX в. Якутия превратилась в поле пересечения интересов нескольких групп акторов, каждая из которых преследовала свои цели, зачастую противоположные. Для центральной власти, представленной в регионе восточносибирским генерал-губернатором, проживавшим в Иркутске, представляло интерес использование Якутии в качестве места ссылки, само расположение которого минимизирует возможности побега. Отношение же к

³ *Березницкий С.В.* Этнографические, исторические и географические исследования Фридриха Христиана Плениснера на северо-востоке России во второй половине XVIII в. // Три века российской этнографии: страницы истории. Вып. 2. М., 2020. С. 36–48; *Иванов В.Ф.* Историко-этнографическое изучение Якутии XVI–XVIII вв. М., 1974; *Шилигина А.Н.* Научное изучение Якутии в XVIII в. (По материалам второй Камчатской экспедиции): Дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 2004.

ссылным со стороны бывшего тогда генерал-губернатором А.Д. Горемыкина было достаточно жестким и принципиальным. Так, он неоднократно указывал иркутскому промышленнику И.Ф. Грому, что не стоит принимать на службу ссыльных, а народнику И.И. Попову запретил сопровождать супругу до границ генерал-губернаторства, ссылаясь на то, что тому позволено проживать только в Иркутске (причем сделал он это даже несмотря на то, что находился в приятельских отношениях с дядей его жены, поставив принципиальность в соблюдении законов выше личных интересов)⁴.

Местная администрация, во главе которой находился губернатор В.Н. Скрипицын, была заинтересована в получении максимально подробной информации об области для оптимизации управления ею⁵. Однако недостаток квалифицированных кадров вынуждал привлекать ссыльных для проведения необходимых исследований. При этом губернатор настороженно относился к ученым из других регионов (особенно из центральных учреждений), поскольку опасался, что они заберут с собой все полученные материалы. Поэтому любимым детищем В.Н. Скрипицына был областной статистический комитет, возглавляемый в это время сотником А.И. Поповым, в работе которого активно участвовали и ссыльные. Более того, в 1901 г. якутский губернатор ходатайствовал перед своим начальством о том, чтобы политические ссыльные получили возможность заниматься педагогической деятельностью в крае, на что в итоге было дано разрешение.

Третьим актором в Якутии в это время была значительная колония ссыльных, которых по данным на 1889 г. насчитывалось более 6 тысяч, что составляло больше половины всего неинородческого населения области⁶. Но при этом основная их часть была рассеяна по удаленным наслегам, где они оказывались в окружении якутов, которые часто в деле надзора за ссыльными превосходили в рвении полицейских чинов. Многие из ссыльнопоселенцев были участниками освободительного движения, чей активный нрав требовал своего приложения в какой-нибудь полезной обществу деятельности, большая часть из которой оказывалась под запретом. Помимо этого, стоит отметить сложности с коммуникацией между ссыльными, проживающими в разных районах Якутской области из-за трудностей по доставке почты, которая могла идти несколько недель или даже месяцев, что, хотя и было объективной реальностью для региона, но оказывалось непривычным для выходцев из Европейской части страны, с более развитой инфраструктурой. Но даже в таких условиях ссыльные умудрялись

⁴ Попов И.И. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Л., 1924. Ч. 2: Сибирь и эмиграция. С. 117–118.

⁵ Архипова А.И. Губернатор Якутской области В.Н. Скрипицын: вопросы управления // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2011. № 1(1). С. 90–97.

⁶ Памятная книжка Якутской области на 1891 год. Якутск, 1891. С. XXIV–XXVII.

заниматься научной работой, в том числе устанавливая контакты с представителями местной интеллигенции. Особенно активно в этом участвовали ссыльные поляки, некоторые даже брали в жены якуток, благодаря чему получали возможность гораздо глубже изучить язык и культуру местного населения⁷.

Интерес к Якутии проявляло и Восточно-Сибирское отделение Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО), которое, однако, было слишком стеснено в средствах для организации самостоятельных экспедиций. Если такие мероприятия и происходили, то они финансировались либо Академией Наук, либо местными промышленниками, которые были еще одним актором в регионе. В первую очередь это были иркутские купцы и золотопромышленники. Они были заинтересованы как в достоверных сведениях о природных ресурсах Якутии (в первую очередь золото, древесина и пушнина), так и в информации об образе жизни местного населения и влиянии на него русских. Особую роль в освоении и изучении области сыграли две семьи купцов и промышленников – Громы и Сибиряковы, которые часто использовали для своих целей политических ссыльных, в том числе и уже отбывших свой срок, но по тем или иным причинам оставшихся в Сибири. Таким образом, когда Иннокентию Михайловичу Сибирякову пришла мысль об организации исследования в Якутии для изучения в первую очередь экономического быта якутов (вторым мотивом стало «желание несколько отплатить соседям за любезно уступленные земли, когда-то бывшие в их полном распоряжении»⁸), затронуты оказались интересы всех акторов.

По мнению М.А. Дэвлет⁹, замысел экспедиции родился у И.М. Сибирякова в конце 1889 г. (в протоколе первого заседания ее участников упомянута другая дата – 1888 г.¹⁰), после чего он обратился к Г.Н. Потанину, бывшему на тот момент правителем дел ВСОИРГО с просьбой порекомендовать кого-нибудь, кто сможет провести это исследование. В качестве кандидатуры был предложен А.В. Адрианов, который на тот момент находился без работы, а потому остро нуждался в источниках существования. Сибиряков был готов выделить на экспедицию от 4 до 5 тысяч рублей, что позволяло обеспечить двоих путешественников в течение года, при этом, не ставя перед ними никаких конкретных задач – ни по территориальному охвату, ни по предмету исследования (за исключением экономического быта). В ходе переписки между Адриановым и Сибиряковым выяснились крайне слабое знакомство последнего с Якутией и ее

⁷ Антонов Е.П. Из истории научных и культурных контактов польских ссыльных и якутской интеллигенции // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2011. № 1 (2). С. 45–51.

⁸ Письмо И.М. Сибирякова к Д.А. Клеменцу // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1916. Т. XLV. С. 159.

⁹ Дэвлет М.А. У истоков Сибиряковской экспедиции в Якутию // Сборник научных трудов. Серия: Филология. Якутск, 1994. С. 76.

¹⁰ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 803. Л. 4.

населением: «Из его (И.М. Сибирякова – *А.П.*) слов я (А.В. Адрианов – *А.П.*) убедился, что он о крае не имеет никакого представления; так, он полагал, что якутов тысяч 5 и был оч[ень] изумлен, когда я сказал ему, что их считают до 220000 человек, Да тунгусов более 10000. Теперь если прибавить к этому площадь, ими занимаемую, то выйдет нечто такое, в чем разобраться действит[ельно] трудно. В конце концов, он стал сомневаться, будет ли польза от экспедиции, которая захватит лишь небольшую часть народности, а не всю ее. Я успокоил его тем, что помимо личных наблюдений, надо постараться воспользоваться наблюдениями политич[еских] ссыльных, живущих в крае, а также разн[ых] местн[ых] старожилов-любителей, собирать и записывать разные сведения и уверил его, что посылка какого угодно, только добросовест[ного] человека даст для науки ценный вклад»¹¹. Однако сотрудничество между этнографом и промышленником не состоялось – Адрианов получил должность помощника акцизного надзирателя в селе Новоселово Минусинского уезда, которая оставалась за ним только в том случае, если он немедленно ее займет. Из-за этого он не смог возглавить планируемую экспедицию, а Сибиряков, не имея других кандидатур, был вынужден отложить проект.

При этом Иннокентий Михайлович не стал напрямую обращаться во ВСО-ИРГО с предложением о финансировании экспедиции, организуемой Отделом, поскольку кроме Потанина у него не было там людей, которым бы он доверял. Кроме того, опасения промышленника вызывала зависимость Отдела от администрации, хотя при этом он был готов сотрудничать с центральным отделением ИРГО или другими учеными, которых ему также рекомендовал Потанин: А.С. Еленевым из Красноярска, А.И. Ивановским из Санкт-Петербурга и А.К. Кузнецовым из Томска¹². Однако отказ каждого из кандидатов привел к тому, что проект экспедиции становился все более призрачным. Так продолжалось до начала 1891 г., когда Потанин, уже покинувший пост правителя дел ВСО-ИРГО, обсуждал со своим преемником – Д.А. Клеменцем – вопрос организации этого мероприятия, но при этом ни тот, ни другой не стремились встать во главе экспедиции, поскольку первый в это время уже жил в Петербурге, а второй находился в постоянных разъездах по Сибири и Монголии. Именно тогда у Клеменца возникла мысль о привлечении к исследованию Якутии ссыльных, которую он высказал Потанину, а тот донес ее до Сибирякова¹³. Однако в дальнейшем практически на год разговоры об экспедиции прекратились, по-видимому, из-за отсутствия подходящих кандидатур для руководства ею.

¹¹ Письмо А.В. Адрианова Г.Н. Потанину от 19 ноября 1889 г. // *Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г.Н. Потанину* / сост. Н.В. Васенькин. Томск, 2007. С. 132.

¹² Письмо И.М. Сибирякова к Д.А. Клеменцу // *Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества*. 1916. Т. XLV. С. 158.

¹³ Д.А. Клеменцу (май-июнь 1891 г.) // *Письма Г.Н. Потанина*. Т. 4. Иркутск, 1990. С. 171.

На тот момент Клеменц уже имел опыт сотрудничества с И.М. Сибиряковым при выполнении обследования быта рабочих на золотых приисках Томской и Енисейской губерний в 1889 г., инициированного и профинансированного промышленником. Выкроив время для нового проекта, он в августе 1892 г. написал Сибирякову письмо, в котором изложил свое видение организации экспедиции. В нем говорилось, что «время больших, дорогостоящих экспедиций, снаряженных при участии столичных ученых, уже прошло; — что северо-восток, после блестящих экспедиций прошлого и первой половины нынешнего столетия, нуждается лишь в разработке деталей и в наблюдении над мелочами быта инородцев, — а такого рода исследование может быть с успехом выполнено лишь при условии участия в трудах будущей экспедиции местных интеллигентных сил [...] силы из местных деятелей для экспедиции найдутся, причем опирался (Д.А. Клеменц — А.П.) на труды ссыльных Якутской области, проникнувшие уже в это время в печать, на работы и письма тех же ссыльных, поступивших в Отдел»¹⁴.

Таким образом, встал вопрос о возможности привлечения еще одного актора — ссыльных, который мог разрешиться только с участием представителей власти — как Иркутского генерал-губернатора, так и Якутского губернатора. На тот момент у Клеменца, как правителя дел ВСОИРГО, были контакты с Н.А. Виташевским (они установились еще в первой половине 1891 г.), сосланным в Ботурусский улус. Через Виташевского Клеменц получил характеристики других ссыльных — Э.К. Пекарского, В.М. Ионова, В.Л. Сорошевского, С.В. Ястремского, Р.А. Стеблин-Каменского и Л.Г. Левенталья. При этом все они уже вели довольно активную исследовательскую работу, хотя и были ограничены в перемещении по региону. Более того, в то время когда между Клеменцем и Виташевским уже начались переговоры по поводу участия его с товарищами по несчастью в будущей экспедиции, финансируемой Сибиряковым, в среде якутской колонии ссыльных активно обсуждался проект собственной «экскурсии» по реке Татте в 1893 г.¹⁵ Причем между ними и Якутским губернатором Скрипицыным было установлено определенное взаимопонимание, о чем Виташевский и сообщил Клеменцу: «Я узнал из первоисточника, что наш новый губернатор склонен думать, что наш брат, ссыльный, является единственною интеллигентной силой местного общества и вполне компетентен в исследовании и обсуждении вопроса об экономическом положении инородческого населения области. Поэтому я уже получил полуофициально, так сказать, предложение — организовать сотрудничество товарищей для предложенной Губернатором новой Памятной Книжки»¹⁶. Однако в дальнейшем самостоятельная экспедиция ссыльных не была разрешена губернатором, по-видимому, из опасений, что в ходе совместной работы ими будут обсуждаться и политические вопросы¹⁷.

¹⁴ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1 ОЦ. Д. 803. Л. 1 об.

¹⁵ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1 ОЦ. Д. 17. Л. 30.

¹⁶ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1 ОЦ. Д. 17. Л. 30 об.—31.

¹⁷ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1 ОЦ. Д. 18. Л. 46.

Таким образом, вопрос получения разрешения согласия властей на привлечение к участию в экспедиции ссыльных оставался самым сложным, особенно учитывая неприязненное отношение к ним со стороны Иркутского генерал-губернатора. Но при этом у Горемыкина сложились нормальные рабочие отношения с самим Клеменцем, несмотря на ссыльное прошлое последнего. И все равно, будучи стесненным инструкциями из Петербурга, Горемыкин долго не соглашался разрешить экспедицию с участием ссыльных¹⁸. В ходе переговоров между генерал-губернатором и правителем дел ВСОИРГО удалось прийти к компромиссному варианту, условия которого были изложены в письме Якутскому губернатору Скрипицину от 25 октября 1893 г.: «1) чтобы к исследованиям были приглашены также Секретарь Якутского статистического комитета Попов, исправники Карзин и Кондаков, некоторые священники и намеченные правителем дел ветеринарные врачи; 2) чтобы все рукописи авторов, которые будут в Якутской области привлечены к трудам экспедиции, были представлены на цензуру Вашему превосходительству и от Вас уже переданы в Отдел географического общества; 3) чтобы правитель дел Клеменц руководил этою экспедицией и докладывал мне регулярно о расходе сумм; 4) чтобы привлеченные к деятельности экспедиции ссыльные необходимые для целей экспедиции разъезды производили лишь в пределах округа, в котором каждый из них поселен, и по письменному на каждую отлучку разрешению Исправника, с возвратом прежде полученного; 5) чтобы не было допущено съездов ссыльных под видом необходимого обсуждения каких-либо общих по экспедиции вопросов. На изложенных основах мною разрешается привлечение к трудам экспедиции ссыльных: Виташевского, Левенталя, Пекарского, Ястремского, Иохельсона, Богораза, Майнова и Ионова»¹⁹. Причем, по-видимому, Клеменц не был в курсе всех условий, в частности, о праве Якутского губернатора выступать в качестве цензора созданных по итогам экспедиции работ²⁰. В дальнейшем он говорил, что наложенные ограничения вызваны его небезупречным прошлым, почему планировал передать руководство экспедицией более благонадежному лицу – например, Потанину, после возвращения того из путешествия по Монголии, либо даже центральному отделению ИРГО²¹.

Одним из главных аргументов, который использовал Клеменц при убеждении Горемыкина, заключался в том, что научные исследования, проводимые ссыльными, задержат их в крае даже после окончания срока наказания, поскольку, занявшись наукой, бросить это дело уже нелегко. Все это не даст ссыльным времени и возможности для политической агитации в Якутии, а нао-

¹⁸ Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников. Архив Г.Н. Потанина. № 490 (далее – НБ ТГУ ОРКП).

¹⁹ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. ОЦ. Д. 18. Л. 84–84 об.

²⁰ НБ ТГУ ОРКП.

²¹ Клеменц Д.А. Письмо к А.В. Адрианову // Известия ВСОИРГО. 1916. Т. XLV. С. 182–183.

борот поспособствует их превращению в добропорядочных граждан²². И это было сказано при том, что незадолго до встречи с генерал-губернатором у Клеменца возник конфликт с участниками экспедиции, причиной которого стало взаимное недоверие. На основании сохранившихся в архиве писем можно попытаться реконструировать истоки и ход конфликта между предполагаемыми участниками экспедиции. Среди них выделилось две группы. В первую входили сам Клеменц, В.И. Иохельсон и М.И. Сосновский, во вторую – Н.А. Виташевский, В.М. Ионов и Э.К. Пекарский. По всей видимости, Клеменц заподозрил Виташевского в стремлении стать руководителем и организатором планируемого мероприятия, вступив в особые переговоры с купцом, этнографом-любителем Пихтиным, который был инициатором несостоявшейся экспедиции по Татте. Также у него могло возникнуть подозрение, что Виташевский с некоторыми из ссыльных планирует провести «экскурсию», в которой не будут принимать участие сторонники Клеменца. Это могло привести к конфликту с местной администрацией, которая запретила ссыльным проводить самостоятельные экспедиции.

Поскольку Иохельсон был знаком Клеменцу по совместной революционной деятельности, именно к нему последний и обратился с просьбой прояснить ситуацию, попутно потребовав объяснений от членов второй группы. Такое отношение вызвало взрыв негодования со стороны Ионова и Пекарского, которые пригрозили отказаться от участия в экспедиции. В сложившейся ситуации Виташевский предпочел принести свои извинения Клеменцу, уверив его в беспочвенности подозрений. Именно поэтому он, получив письма от Ионова и Пекарского, предпочел отправить их Клеменцу только после того, как уладил возникшие противоречия. Со своей стороны, Клеменц тоже предпринял соответствующие действия, стремясь погасить зарождающийся конфликт, видимо после того, как получил от Пихтина информацию о том, что никакими полномочиями тот никого не наделял²³.

После получения разрешения на проведение экспедиции от генерал-губернатора Горемыкина, Д.А. Клеменц с супругой выехали в Якутск для проведения совещания с ее участниками на месте.

И здесь возникли трудности уже с местной администрацией в лице Скрипичина, о котором Клеменц отзывался так: «Он считает себя знатоком области, не прочитав ни одной книги о ней. Самоуверен до крайности»²⁴. О сложившейся ситуации Д.А. Клеменц позже сам писал И.М. Сибирякову: «Он предложил мне сначала условие – отдать всю экспедицию в распоряжение Статистического Комитета, предоставив ему и назначать экскурсантов и определять бюджеты каждого из них. Мне предоставлялось только выработать программу исследова-

²² Там же. С. 182.

²³ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1 ОЦ. Д. 18. Л. 24–25 об., Л. 33–34 об., Л. 46–48.

²⁴ НБ ТГУ ОРКП.

ний. Я, разумеется, не мог согласиться на подобные условия и поставил вопрос о самом существовании экспедиции. Губернатор предложил не ставить дела так круто, а ознакомиться сначала с людьми и существующими отношениями»²⁵. Дело в том, что Скрипицын сам был заинтересован в изучении области и планировал издание памятной книжки Статистического Комитета с привлечением к написанию статей для нее политических ссыльных. Поэтому, узнав о планируемой экспедиции, он посчитал, что ее проведение отнимет у него ценных работников. Также его не устраивало то, что результаты исследований могут уйти в Иркутск, не дав ничего важного для управляемой им области. По этому поводу Клеменц ответил, что «все действия мои, жертвователя и Отдела, достаточно говорят за себя и за наше желание устроить дело посредством местных сил. Если бы мы желали, то могли бы легко обойтись без хлопот, нужды и горя, без переговоров с генералом и с ним: пригласили бы одного или двух молодых ученых с именами в науке, как и думал Потанин, и затем спокойно и уверенно стали ждать результатов»²⁶. В ответ на это Скрипицын категорически отозвался против привлечения ученых из Европы или Европейской России, опасаясь, что они сами никаких работ проводить не будут, а просто отберут ценный материал у местных исследователей, потом покинут область и не дадут для нее ничего значимого.

В дальнейшем Клеменцу удалось уладить и это противоречие: «Я принялся ухаживать за губернатором, у него старая слабость быть ученым губернатором, удалось помирить его с собой и с делом, так что он сказал мне – будьте уверены, я не буду злоупотреблять своим правом; на этом и пришлось остановиться; но это пока еще не гарантия»²⁷, и перейти к непосредственной подготовке экспедиции.

Первое из установочных совещаний состоялось 18 января 1894 г. в 18-45 в канцелярии Якутского статистического комитета. По желанию Скрипицына на него были приглашены секретарь областного статистического комитета А.И. Попов (который и стал председателем), исправник Г.Л. Кондаков и ветеринарный врач С.Я. Дмитриев. Кроме того, по инициативе Клеменца был приглашен советник областного правления Д.И. Меликов, который незадолго до этого вернулся из длительной поездки на Чукотку. Сделано это было для того, чтобы польстить самолюбию чиновника, пользовавшегося авторитетом у губернатора, но в дальнейшем Д.И. Меликов проявил себя и как ценный работник. Из ссыльных в совещании приняли участие Н.И. Виташевский (выполнявший обязанности секретаря), В.И. Иохельсон, Л.Г. Левенталь и И.И. Майнов. К участию в последующих заседаниях в качестве посетителей приглашались представители местного населения – В.В. Никифоров и якут И.Г. Соловьев. В ходе

²⁵ Письмо Д.А. Клеменца к И.М. Сибирякову // Известия ВСОИРГО. 1916. Т. XLV. С. 201.

²⁶ Письмо Д.А. Клеменца к И.М. Сибирякову // Известия ВСОИРГО. 1916. Т. XLV. С. 202.

²⁷ НБ ТГУ ОРКП.

совещания были выработаны программы исследования, определены планы и сроки работы, распределено финансирование²⁸.

Отдельно стоит остановиться на обсуждении программ, поскольку именно их итоговое содержание определило направленность работ. Базовые рамки для них задали пожелания И.М. Сибирякова: «1, экспедиция продолжается не менее 3-х лет; [...] 3, в число задач экспедиции входит: а) выяснение вопроса о вымирании или прогрессировании инородцев, а также, если будет констатировано вымирание, причины этого явления, а также способы их устранения; б) исследование экономического положения инородцев, жизнь которых находится под влиянием развития золотопромышленности; 4, этнографическую программу выработывает Отдел (ВСОИРГО – А.П.)»²⁹. Изначально было решено использовать программу сбора этнографических данных, разработанную ИРГО, но в процессе обсуждения возникла необходимость в ее усовершенствовании и распределении обязанностей между участниками экспедиции.

Вопросы этногенеза якутов были разделены между тремя участниками: с лингвистической точки зрения их должны были изучить В.М. Ионов и Э.К. Пекарский, с антропологической – И.И. Майнов, которому специально предписывалось обратиться к новейшим исследованиям в этой области Д.Н. Анучина, А.А. Ивановского и А.Н. Харузина. Вопросом этнической психологии якутов было поручено заняться Д.И. Меликову, которому готов был оказать помощь В.М. Ионов, некоторое время уже собиравший эти сведения.

Серьезные споры возникли по вопросу об изучении домашнего быта якутов, который Д.А. Клеменц считал излишним в силу подробной изученности в ходе прежних исследований. Однако в итоге возобладала позиция Н.А. Виташевского, который критически отозвавшись о фактологической стороне прежних работ, предложил разделить данный блок на более узкие сферы, так, вопросы скотоводства взялся изучать С.Я. Дмитриев.

Также в ходе обсуждения программы центрального отделения ИРГО были добавлены пункты, отсутствовавшие в ней: вопросы экономики (поручено Л.Г. Левенталю), юридические обычаи (Н.А. Виташевскому) и статистические данные (А.И. Попову). Также каждому участнику экспедиции было предложено выработать собственную подробную программу для работы в порученной ему сфере, который затем обсуждались на последующих заседаниях.

Программа И.И. Майнова включала два пункта: антропометрия и изучение

²⁸ Их протоколы сохранились в двух экземплярах в ГАИО в фонде № 293. Более подробный вариант с программами исследовательских работ представлен в деле № 803 «Программы и планы работ Якутской экспедиции на средства И.М. Сибирякова», протоколы написаны Н.А. Виташевским. Краткий вариант находится в деле № 59 описи особо ценных дел «Иохельсон В. Краткий отчет об организации и деятельности Якутской экспедиции», однако в нем представлены не только материалы первых заседаний, но и сведения о съездах участников в течение всего хода экспедиции.

²⁹ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1 ОЦ. Д. 57. Л. 1 об.–5.

объяснения русских³⁰. Второй пункт был достаточно новаторским, поскольку прежде вопрос влияния русских и инородцев решался только с одной стороны – как обрусение последних, тогда как обратный процесс выпадал из сферы внимания исследователей. Программа Н.А. Виташевского подразумевала деление на два блока: описание сбора материала и способов его обработки³¹. В первый входили наблюдения над периодической жизнью якутов (землепользование, договорное право, система родства, семейное право, наследственное право, уголовное право, судоустройство, судебские доказательства, судопроизводство, общественная организация), работы в архивах и заметки смешанного характера (топографические описания, исторические судьбы, психика, язык, обычаи «русских тунгусов», антропометрические данные, экономические отношения, естественно-исторические коллекции, случайные заметки). В программу Д.А. Клеменца входили следующие пункты: быт частный и семейный (рождение ребенка, свадьба и брачные отношения, жилище и дом, пища и напитки, занятия мужчин и женщин, скотоводство, рыболовство и звероловство), увеселения и развлечения, общественные собрания, суд, администрация, верования и фольклор³². На последующих заседаниях рассматривались программы участников экспедиции, занимающихся более узкими вопросами – Л.Г. Левенталья по экономике якутов³³, В.И. Иохельсона по этнографии Колымского округа³⁴, Э.К. Пекарского и И.И. Майнова для изучения домашнего и семейного быта якутов³⁵.

Столь длительные обсуждения вопросов методики сбора материала позволили, с одной стороны, задать общую методологическую рамку для всех участников, а с другой – позволили каждому самостоятельно, исходя как из своих представлений, так и возможностей, конкретизировать свою задачу. Как показала практика, подобный ход оказался верным, позволив участникам экспедиции не только собрать обширный материал, но и обработать его, представив не только в виде отчетов, но и в форме исследовательских работ.

Помимо упомянутых на совещаниях лиц, Клеменц по просьбе Горемыкина привлек к участию в исследованиях двух священников – Иоанна Попова, как находящегося в постоянных разъездах и обладающего информацией о тунгусах (эвенках), а также Дмитриана Попова. Также к участию в исследованиях в Олекминском округе был привлечен С.Ф. Ковалик, задачей которого стало изучение влияния золотопромышленности на быт якутов. Уже по ходу экспедиции к работам привлекались и другие исследователи, причем часть из них

³⁰ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 803. Л. 29–32.

³¹ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 803. Л. 43–48.

³² ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 803. Л. 33–42.

³³ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 803. Л. 56–54 об.

³⁴ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 803. Л. 61–66.

³⁵ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 803. Л. 75–86.

осуществляли свою деятельность, не получая никакого вознаграждения, кроме возможности активной осмысленной жизни в глухом захолустье.

Таким образом, Сибиряковская экспедиция стала возможной только после длительного процесса согласования интересов всех действующих в регионе сил и заинтересованных лиц. Этому немало поспособствовал дипломатический такт Клеменца, который сам, являясь бывшим ссыльным, а в период организации экспедиции – представителем местного научного сообщества – установил хорошие отношения как со ссыльнопоселенцами, так и с представителями местного капитала и с властью.

